

Присутствие души

Людмила Алексеевна Венкстерн
(09.04.1931 – 04.02.2022)

В конце декабря 2021 г. мне вдруг позвонила подруга, давно живущая в Индии: «Я видела плохой сон; береги себя, здоровье, близких!» Я берегла, но, видимо, рука судьбы уже все начертала. 8 января мы с мамой немного приболели; я вскоре выздоровела, но для мамочки недомогание стало триггером, запустившим движение к точке невозврата. Она вдруг ослабела, а последние дни, особенно же после 31 января – день ее свадьбы с папой 53 года тому назад – были днями ухода. 3 февраля оказался последним днем ее жизни, и в пять часов утра 4 февраля – час Тигра только наступившего года Тигра – ее сердце перестало биться. Часть моей жизни и души ушли вместе с ней. Теперь нужно оглянуться назад и светом воспоминаний озарить все, что было. Ощутить лучезарность, которая еще ощутима от ее присутствия.

Прошрое — неведомая земля: путешествие туда всегда чревато неожиданными открытиями. Встречаешь не совсем себя самого, своих родных и близких, а чуточку иных, иногда кажущихся странными людей, в которых подчас не без труда можно увидеть знакомые черты. А сколько же всего так и остается неизвестным, непонятным...

Память сохраняет ниточку преемственности и шепчет: это я, и это – я, тот же, та же, что и вчера, и позавчера. Та же, но – не совсем, не вполне. Уже – не я. Или – еще – не я. А ты сама, кто ты? Откуда ты взялась? Есть память, но уже нельзя протянуть руку и ощутить: «вот», оно. Хотя это было только вчера...

Что исчезает? Контексты. Уходят люди, окружающие тебя, общение с которыми создают ткань твоей жизни. Стираются детали: впечатления, эмоции, запахи, состояния. То, к чему ты так стремишься: оно или достигнуто, или упущено. В обоих случаях можно забыть! Исчезает музыкальная оркестровка ежедневной жизни, та устроенность, которую мы кропотливо создаем, поддерживаем, в которой живем и которой наслаждаемся. Что остается? Тонкий пульс самой жизни, бытия, струящийся и бьющийся, пока есть время.

Мама была человеком не мемуаров, а актуального действия, момента жизни. Она и писем писала мало; те же, что сохранились, несут в себе энергию действия и ясную волю. Они довольно короткие и всегда по делу. В трудные минуты говорила: «Так! Отрезаем прошлое. Отрезаем будущее. Живем настоящим!» И всегда жила им ярко, активно. Если надо, могла сидеть за своей работой – вязанием, статьей, отчетом, шитьем – всю ночь, до утра. А мысли? Как Скарлетт О’Хара – «об этом я подумаю завтра». А может быть, и не придется думать, может быть, само рассосется? Придут другие задачи. Время намоет, ветра перемен наметут. Что-то и само улетит, растворится. Как в одном буддийском монастыре, где послушники мыли доски пола одну за другой, да так, что забывали о предыдущей и не начинали думать о следующей. Пол там был очень чистый!

Биографии строятся из закономерностей и из случайностей. Одна из близких приятельниц мамы, Светлана Иконникова, в свое время написала: «Именно в биографиях раскрывается сложность принятия волевых решений, обоснование целей и мотивов, поиск средств их реализации, комплекс надежд и разочарований. Биография личности создает вокруг себя своеобразное “гравитационное поле” человеческих поступков, эмоциональных переживаний. В фокусе биографических исследований оказывается духовный мир человека, намерения и поиски, трудности и препятствия, конформизм и новаторство, признание и провалы»¹.

Искусство памяти содержит механизм избирательности; вспоминая, мы вглядываемся в реальность, но ведь это – реальность

¹ *Иконникова С.Н.* Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический журнал. 2011. № 4 (6). С. 5. URL: http://cjournal.ru/rus/journals/100.html&j_id%3D8 (дата обращения 25.10.2020).

прошлого. Картина прошлого постоянно меняется: со временем что-то становится более выпуклым и ясным, что-то стирается.

Людмила Алексеевна Венкстерн, урожденная Фомичёва, родилась в Ленинграде. Кронверкская улица, дом 23/59. Номер 23 по Кронверкской и 59 – по Пушкинской. Большая коммунальная квартира, семь комнат и, как водится, один туалет, одна ванная комната, одна большая кухня. Коридор был настолько длинный, что дети по нему катались на велосипедах. Комната бабушки и бабушки – большая и просторная, 31 метр – была первая от входной двери, напротив нее, в коридоре, располагался телефон. Это был один из самых больших домов в Петербурге, и построен он был в 1913 г. как жилой доходный дом Первого русского страхового общества. Он состоял из 26 дворов, имел множество арок, поворотов-разворотов и занимал целый квартал. Обилие черных входов, укромных уголков, выходов на крышу – привольного пространства для ребятнишек. В доме жило много известных людей: семьи писателя Всеволода Кочетова, маршала Л.А. Говорова, композитора С.С. Прокофьева. Рядом же – Кронверкская улица, дом 21, – стоял «правительственный дом», где жил Киров, а также известный актер Николай Константинович Черкасов. Представители элитного – и еще петербургского, той эпохи – интеллигентного общества жили и в квартире бабушки и бабушки. Люсенька родилась 9 апреля 1931 г. Детский садик был рядом, школа – 73-я средняя школа Петроградского района Ленинграда – была тоже близко. До 1954 г. обучение было раздельным: здания школы для девочек и мальчиков стояли по разные стороны Кронверкской улицы. Здесь проходило детство моей мамы, а потом – уже после войны – и детство ее брата, моего дяди, Вадима Алексеевича, который родился в 1941 г. на Урале, в эвакуации. Алексей Иванович работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте алюминиевой промышленности, на Среднем проспекте Васильевского острова, он был инженером-конструктором. Бабушка вела хозяйство и некоторое время работала кассиром в Ленгастрономе, продуктовом магазине, который находился в том же доме, где они и жили.

В те годы было модно быть инженером. Вот мамочка со своим школьным аттестатом с отличием и золотой медалью без экзаменов поступила в Технологический институт на кафедру общей органической химии. «Я пошла туда, куда, в общем, можно поступить, и как-то все к тому шло, чтобы именно туда», – говорила она позднее. Серьезная, престижная профессия, инженер-химик. После института работала в ГИПХе – Государственном институте прикладной химии. Позднее уже, переехав в Москву, перешла в Центральный научно-исследовательский институт химии и механики, где долгие годы заведовала лабораторией, стала заслуженным химиком России.

В 1950-е гг. при Техноложке работали хор, духовой и струнный оркестры, кружок сольного пения, хореографический кружок. Их руководители получали зарплату через местком. Самым же известным был театральный кружок, или, как его называли, Театралка; она серьезно повлияла на становление мамы как личности. Людмила Фомичёва играла характерных, иногда противоречивых героинь, независимо от того, были ли они положительными или отрицательными; ее типаж располагал к этому. Как сама она нам рассказывала в интервью, В.П. Костенецкий видел, кого она должна играть, он распределял роли, и его беспрекословно слушали. Среди ее ролей были и «таинственные» персонажи, как Павла Петровна Панова в «Любови Яровой» К. Тренёва, и блюстители нравственности, как Гликерия Ксенофонтовна Карасёва («Щука») в его же «Гимназистах», и советские интеллигенты (врач Ольга в «Макаре Дубраве» А. Корнейчука, аспирантка-историк Надежда Коврова в комедии В. Гусева «Весна в Москве»), и запутавшиеся, стоящие перед выбором между добром и злом носители чуждой советскому человеку морали (Джен Кросби в пьесе В. Собко «За вторым фронтом»).

Театральная мастерская функционировала в известной степени самодостаточно. Конечно, спектакли можно оценивать в контексте эпохи, выбора своего времени и идеологии, но сами студенты на это часто не обращали большого внимания. Идеология оборачивалась скорее психологией. «Мы пропагандируем среди студенчества передовые идеи и бичуем всё вредное», – писала староста театрального коллектива С. Митрофанова в газетной заметке 1952 г. Важны были сам процесс, регулярность встреч, энтузиазм, стремление подготовить и показать спектакль. Не смыслы, значения, символы – а сама игра, характеры. Профессор К. Мищенко, регулярно писавший заметки о работе «Театралки», отмечал выдающиеся ораторские способности, легкость и красоту выступлений студентов – участников театральных постановок. Здесь искусство уж точно оказывалось в роли проводника, ведь, по словам великого Петера Брука, «мир театра – это мир интуитивный, мир, способный чутко улавливать то, что носится в воздухе»². Итак, здесь зарождалось и то, что можно было бы назвать автономностью театра.

Пробежали веселые студенческие годы, занятия легко сочетались с театральной мастерской. На последних курсах у Люси Фомичёвой появился поклонник. Дело шло к свадьбе, как вдруг накануне намеченного бракосочетания жених передумал! Все Люсины подруги были возмущены, и когда тот захаживал в гости

² Брук П. Гротовский: искусство как проводник // Гротовский Е. От Бедного театра к Искусству-проводнику / Пер., сост., предисл., примеч. Н.З. Башинджагян. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003. С. 50.

в общежитие – многие жили там, – то на тумбочку они выставляли ее фотографию: вот тебе, мол! Но переживания были пережиты, и уже значительно позднее мамочка говорила: как же все правильно повернулось, ничего хорошего не было бы, не убеги тогда тот жених. Нужно слушать голос судьбы – что бы там ни было, как бы оно ни поворачивалось; надо просто позволить вещам произойти. Два замужества, которые потом состоялись в ее жизни, были с поистине неординарными людьми.

Фамилию, которая она обрела в 24 года и потом сохранила на всю жизнь, связала ее с уникальным родом. Алексей Сергеевич Венкстерн (1928–1997) принадлежал к русскому дворянскому роду шведского происхождения, внесенному в 1816 г. в III часть «Родословной книги дворянства Московской губернии». Мы немного знаем о шведской истории этого рода, однако в здании Дворянского собрания в Стокгольме среди прочих гербов находится и герб рода Vennerstierna: парусное судно, качающееся на морских волнах, и наверху – пятиконечная звезда. Сама фамилия означает «путь к звездам».

В Ленинграде были дорогие друзья и подруги, связь с которыми не прекращалась всю жизнь. Дина Дзеранова, в замужестве Касаева, и ее муж Авде. Алексей и Ирина Михайловы. Вадим и Светлана Иконниковы. Людмила и Герман Потехины. Ия Кожухова, многие другие. В середине 1960-х гг. назрел кризис личных отношений с первым мужем; а в одной из своих рабочих командировок Люся познакомилась с инженером-химиком Игорем Рыжаковым. Личность неординарная и самобытная. Он превосходно плавал, играл в шахматы, собирал марки, был очень дружелюбным и общительным. Он обладал абсолютной самостоятельностью и в делах, и в мышлении: все делал сам, обо всем имел собственное мнение. С большой доброжелательностью и демократичностью относился ко всему и во всем. Он всегда находил выходы из любых ситуаций. Итак, 31 января 1969 г. Людмила Венкстерн вышла замуж за Игоря Рыжакова. Через несколько месяцев она переехала в Москву, и началась новая жизнь.

Стихотворений папа писать не умел; однажды, еще в 1969 г., попробовал, и получилась классификационная таблица качеств: за что я люблю свою жену. Бинарные оппозиции, точно описывающие ее характер. Оказалось, пять пар, десять свойств: дар любви и трезвый ум, нежность и настойчивость, теплота и твердость, огонь страстей и спокойствие, беспокойство и уверенность.

Люся Венкстерн всю свою жизнь была чистым импульсом, сгустком энергии, силы, мужества, ясного света, упрямством и готовности идти вперед. Их с папой многое объединяло, и прежде всего интеллигентность, доброта, готовность помочь каждому,

чистота помыслов, ответственность за каждое свое дело. А еще оптимизм и чувство юмора, никогда не изменявшие им.

Пространства творчества разворачивались в жизни Людмилы постепенно. Разные роли она сыграла не только на сцене, но и в жизни. Мама – мама. Рождение и воспитание дочек: в 1957 г. появилась моя сестра Алла, в 1972 г. – я, и на наше воспитание было положено много усилий и было много разного рода переживаний. Маме пришлось сглаживать обиды, выравнивать, приводить к гармонии людей с сильнейшим личным началом. Свою роль мамы мамочка выполняла с огромной заботой: бежала впереди всех паровозов, стараясь защитить нас от всех трудностей, «стелила» нам не просто «соломку», но целые стога сена. Конечно, в подростковые годы с нашей стороны требовалась незаурядная энергия, чтобы противостоять той бесконечной силе любви, но позднее – чтобы ей же соответствовать. Еще одно существо, член семьи, появился у нас в 1979 г.: собачка, большой королевский пудель Жан. У папы разыгрался серьезный радикулит, долгое время он был почти неподвижен и вынужден был много лежать. Тогда-то мамочка и принесла в дом щеночка. Его взяли из дома музыканта, пианистки, и он с самого своего детства мелодично пел под фортепианную музыку: я тогда играла. Как только я садилась за инструмент, Жан тут же прибежал, устраивался рядом и живо реагировал на каждую ноту, аккорд, внимательно вслушивался, поднимал глаза наверх и – начинал петь! Не всех композиторов он любил одинаково, кажется, его фаворитом был Бетховен; но уж «Собачий вальс» исполнял всегда, обязательно, понимая, что это его мелодия. Легкий, стройный, бесконечно артистичный, он не знал поводка, был красавцем, получал медали на выставках, умел летать через заборы любой высоты и уж конечно был умнее многих людей. Хозяином для него был, безусловно, папа, которого он обожал безмерно и волшебным образом чувствовал его приход минут за двадцать: видимо, был наделен шестым чувством, телепатией и интуицией. Его болезнь, а потом и смерть 24 июня 1991 г., были концом большой части жизни. Мама мужественно провела с Жаном последние часы его жизни, а меня отправила домой; и когда я возвращалась – впервые без него – в дом, боль была настолько нестерпимой, что вдруг я поняла, что ее пережить можно, только осознав, что каждый шаг вперед, каждый день ведут и меня в принципе к смерти, за которой, возможно, будет наша встреча с бесконечно любимым существом. «В этом году Бог забрал к себе Жана, как ни горько об этом писать. Но я уверена, что он существует, Там, с Ним, радуется и живет, вечно. Когда-то я узнаю это точно. Тот день, 24 июня, не забуду: летний зной, и в двенадцать часов дня кругом роились души из того мира, и демоны, божки домашние и полудницы –

словом, вся нечисть. Это должно было произойти. Этот шаг Туда непереносим для нашего мира. Потом – оглушительная, огромная, всеобщая и удивительная пустота, только занавеска легко колыхалась у балконной двери. И – каждый день, прожитый, приближает нашу встречу. Там и меня, и родителей уже ждут...», – это написала я в 1991 г. Душа Жана часто приходит ко мне во сне. Наша дорогая собачка была у нас словно овечка: когда его стригли, из его шерсти мама заказывала ссучить нитки; несколько жилеток до сих пор согревают нас холодными вечерами.

Мама – рукодельница, садовод, огородник, хозяйка и труженица деревенского поместья. В 1979 г. мама и папа обрели дом в деревне Чублово, в Тверской области, и началось большое творчество по его преобразованию; внутреннее и внешнее убранство, сад, огород. Много красоты, огромное количество усилий – туда, но и оттуда постепенно начало струиться вдохновение. Совершенно новая роль для Люси! Да, она и до того (как и папа) все делала своими руками. Ее вязание (а вязала она и спицами, и на машинке, упоительно, постоянно, километрами, разговаривая, смотря фильмы) до сих пор поражают всех друзей, знакомых и случайных прохожих. Теперь же она освоила и шитье, и аппликации, и украшение интерьера, и собирание этнографических предметов (соседи отдавали ненужные им вещи старинного быта), и огородничество (чего только не сажали и не выращивали), и превосходную засолку огурцов с грядки и грибов, которые папа притаскивал из леса корзинками. Долгие годы в ту деревню практически не было приличной дороги, легковая машина не могла туда проехать; на своих руках, через поля, приносили родители всё для жизни, создавая пространство обитания. Рождение дома и сада: 27 яблонь папа посадил своими руками, с тех пор все плодоносят и не дают мне скучать. «Никогда руки не должны быть без дела!» – учила мама и меня, и других, если только выдавался случай.

Мама – собиратель архивов, газетных вырезок, этнографических предметов, художественных открыток, книг. Еще одним пространством для творчества стала любовь мамы к истории: когда в школе надо было готовиться к урокам, мамочка сама всё осваивала, конспектировала и потом пересказывала мне, иногда еще и одновременно глядя мою уставшую от учебы голову. В 1990-е гг., когда пошел поток новой информации, появились газетные публикации, она собрала большой архив вырезок, с огромным энтузиазмом наклеивая их в толстые тетради. Составляла и синхронные таблицы, сопоставляя годы войн, жизни известных писателей, поэтов, мыслителей и разные события в истории России. Говорила, что слегка жалеет: а ведь тоже могла стать, к примеру, этнографом – повернись жизнь иначе. Устраивала дома литературные

вечера, приглашая знакомых и приятелей и задавая каждому тему выступления; делали мы и «живые картины», музицировали и пели. Алексей и Галина Гризики. Татьяна и Виктор Ягодовские. Светлана Гуленко. Игорь Дмитриевич Скворцов, «Скворец», делал доклады о разных войнах на этих вечерах. Он умер в конце декабря 2000 г., за пару дней до Нового года. Только что вышел из санатория, все было в порядке, пошел в магазин – и упал на улице: сердце остановилось. А видели на его лице улыбку – словно он в последние минуты жизни узрел что-то радостное, светлое.

Мама – «стойкий оловянный солдатик». День маминого пятидесятилетия, 9 апреля 1981 г., оказался роковым: было организовано чествование, на котором ей сообщили трагическую весть: ровно в это утро в Ленинграде умерла ее мама, моя бабушка. Она уже некоторое время серьезно болела, но конец наступил внезапно и был для мамы оглушительным. День рождения и день смерти сошлись в одну точку... Мама стойко пережила серьезную болезнь папы в 2002 г.; было долгое и сложное восстановление, казалось, мы всё преодолели и победили. Однако через три года, в 2005 г., папы не стало: день его смерти совпал с днем рождения близкого человека, сестры Алексея Венкстерна, Натальи Александровны Клыковой, который мы всегда праздновали, принося ей ее любимые ландыши. Сама Наталья Александровна умерла за год до этого, в 2004 г. Папа ушел рано: не доделал тысячи начатых дел... Для мамы это был страшный удар, но со свойственным ей мужеством она перенесла и это, более того, взвалив на себя два огромные дела: привела в порядок деревенский дом и сад, сделала там замечательный ремонт, и взяла на себя руководство гаражным кооперативом – то, чем более десяти лет занимался папа. Мама – председатель ГСК-4 – еще одна роль в ее жизни, которую она взяла на себя и выполняла тщательно и превосходно. Правление умолило ее, она и взялась, понимая, что нужно упорядочивать, улучшать, завершать незаконченное. Так, в 73 года мамочка стала председателем кооператива и долгие-долгие годы осуществляла эту колоссальную и сложнейшую работу. Гаражи – тоже коллектив, а мама как никто другой умела организовывать и объединять коллективы. Вокруг нее объединились владельцы, люди разного возраста и разных судеб. Тем временем «камни падали рядом». 24 декабря 2007 г. не стало Вадима Иконникова, 1 марта 2008 г. – Иры Михайловой, 12 декабря 2009 г. – Алексея Михайлова. Через пару лет умер и верный приятель Виктор Бэр. То и дело раздавались звонки, и мама узнавала о смерти одного и другого своего коллеги, знакомого, сослуживца. С поразительной стойкостью мама принимала эти удары, один за другим. Но друзья, друзья... они почти все уже ушли, растаяли в небытии. С осени 2019 г. исчезла Светлана Иконникова,

ее перевезли в интернат, а ее мобильный телефон больше не отвечал. В ноябре 2020 г. ушла Дина Касаева.

Мылся однажды один человек в хамаме, банщик молодой и прекрасный тер его усталое тело, задремал человек, просыпается и спрашивает банщика: «Сколько времени?» – а тот говорит: «Вечность!»

Великие персидские поэты говорили: «Когда я родился в этом мире, то плакал, а все вокруг радостно смеялись, приветствуя меня. Когда же я буду умирать, дай же, о Всевышний, чтобы я смеялся, хотя окружающие меня люди, возможно, будут плакать...».

Люся любила детективы и раньше всегда умела разгадывать их тайны, сразу понимая, кто есть кто. А кто она сама? Она стала всем: мамочкой, бабушкой, домохозяйкой, садоводом-огородником, ученым, начальницей, организатором, служанкой, путешественницей, прекрасным собеседником, собутыльником и председателем. Когда глох двигатель нашей машины, выбегала и толкала ее руками. Мыла, стирала, чинила, копала, крутила, была Золушкой. А была ведь и принцессой, блистала на трибунах. Неустанное движение, труд и деятельность, и главное, умение отдавать другим – ее главная стезя. Жизнь в творчестве, в разных ролях. Женщина в состоянии радости. Женщина в состоянии любви. Женщина в состоянии ожидания. Женщина в состоянии борьбы. Женщина в состоянии перемен. Женщина в состоянии творчества. Женщина бесконечного терпения и мужества. Женщина, совершающая значительные дела. Все коллеги, друзья и знакомые ее любили, ею восхищались, и чувствовали себя с ней в полной безопасности: она могла защитить каждого. Ее благие мысли, слова и дела всегда были полны любовью и состраданием.

Она любила наблюдать мир; много поездив по СССР, мама не была за границей, но видела и познавала моими глазами, говорила: «Вот ты теперь в Индии, потом – в Италии, и я словно бы езжу с тобой и вижу через тебя те миры». Вот мне и пришлось научиться писать и снимать, чтобы в наиболее чистом и ясном виде «привозить» те миры сюда. Узнав что-то интересное, мамочка тут же бежала рассказывать это другим.

В последние года четыре маму словно бы стирали ластиком: медленно, постепенно уходили возможности и навыки. Началось с походки: всегда легко бегущая на высоких каблуках, она вдруг замедлила движение, ей трудно стало передвигать ноги. Тем не менее мы ходили с ней постоянно, уже недалеко от дома, до ближайшей детской площадки, до скамеечки, да и это становилось все труднее. Пятого января 2022 г. была метель, но мы спустились вниз; пока я бегала в магазин, какая-то добрая соседка увела маму в дом: вернувшись, я увидела пустую лавочку, и сердце сжалось.

В какой-то момент изменилось ее чувство ориентации во времени и пространстве. Спрашивала: «а что сейчас, день или ночь?» – «Вечер, – отвечала я, – шесть часов!» – «Да? Как странно! У них все перепутано!», – восклицала мама. Казалось, она наблюдала какой-то беспорядок в небесной канцелярии. Иногда она переставала узнавать свою комнату: «А где мы живем? Ну не здесь же!», – словно шутливо говорила. Ее душа, видимо, поднялась ввысь и пребывала в ином пространстве. Постепенно нарастало и отчуждение от вещей: она больше не брала в руки столь дорогие ей спицы. Все труднее становилось обращаться с любыми предметами. Наконец, я увидела и текучую, меняющуюся природу формы личности: «А ты кто? – иногда она спрашивала у меня утром. – Давай познакомимся!» Действительно, думала я, ведь сегодня каждая из нас уже не вполне та же, что вчера, хотя сделанный шаг и был совсем крохотный и малозаметный. Но мама, хотя физически она не удалялась далеко от дома, в последние два года прошла колоссальный путь по пространству полупризрачного бытия. Понимая это, я назвала свою домашнюю «студию» монтирования этнографических фильмов “Antarikṣam” – санскритское слово для обозначения промежуточного бытия, состояния между одной и другой жизнью, местом, где смерть оказывается всего лишь дверью, разделяющей комнаты мироздания.

Одним из важнейших ее качеств было умение присутствовать. Дома или на работе, сидела ли одна за кропотливым трудом или мчалась по делам, молчала или говорила, дух ее всегда был очень ясно ощутим. Нескольким людям своей доброжелательной помощью она сформировала судьбу, и в дни поминовения они признавались, что считают ее святой женщиной. При этом она всегда была очень скромной, готовой выполнять самую что ни на есть черную работу, в ней было то, что можно назвать истинным служением людям. Действенная помощь, тонкое понимание, бесконечное терпение. Теперь же в мире присутствует ее душа. Душа человека – это волна, сказал мне учитель, волна же может находиться одновременно в разных точках мироздания, как на Земле, так и на Сириусе. Ее существование лучше всего откроет музыка: неважно, где ты находишься, важно, как ты звучишь, как вибрируешь, на какую частоту настроен. Только по знакомому чистому свету и звуку смогу я узнать маму в потоке бытия.

2020 год для всех нас стал годом домашнего заточения. Разбирая архив писем и поздравительных открыток, я наткнулась на маленькую открыточку, мама и папа поздравляют меня с 13-летием: «Доченька, поздравляем с днем рождения! Пусть у тебя все будет хорошо. Ведь как захочешь и сделаешь, так и будет в жизни». Оба они – кузнецы своего счастья, творцы

своей жизни, похожие на колдунов, магов и чародеев древности. Для настоящего чуда нужно еще только одно: любимым тостом Людмилы Венкстерн всегда был: «За любовь!» Ведь только она возвращает мироздание и поднимает нас к истинной деятельности, конца которой не будет.

С.И. Рыжакова